

Александр Голиков*кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина***Alexandr Golikov***Ph.D. in Sociology, Post Doctorate Associate
at Department of Sociology, V.N. Karasin Kharkiv National University*

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ В АНАЛИЗЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ОТ ТОПОЛОГИИ К ТИПОЛОГИИ

В статье осуществляется анализ идентичности как знаниевого конструкта, то есть как процесса и результата синтетического (макро- и микро-) выстраивания агентом и структурами социального знания. С привлечением методологии «синтетических» теоретиков (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Н. Луман, П. Штомпка), исследователей проблематики идентичности (Р. Брубейкер, Д. Шнаппер, Б. Андерсон, С. Холл) и ряда других теорий автор доказывает, что идентичности при всём многообразии своих проявлений и оснований имеют гомологичную внутреннюю структуру, в фундаменте которой лежат схожие знаниевые механизмы. Подчёркивается, что знание, находящееся в конституции идентичности, может быть гетерогенным, несводимым лишь к одной из его форм, связанным с разными типами и способами рациональности, что не позволяет иерархизировать континуум идентичностей. Делается вывод, что унифицирующий дискурс идентичностей, зачастую господствующий в современной социологии, нерелевантен своему предмету изучения как в силу унифицирующей тенденции анализа оснований идентичности (что не тождественно анализу механизмов идентификации), так и в силу иерархизирующих амбиций.

Ключевые слова: знание, социология знания, социальное, идентичность, типология.

In this paper the analysis of identity as a knowledge-construct, i.e. as a result of the process and synthetic (macro and micro) of building by structures and agent of social knowledge is carried out. With the use of synthetic methodology theorists (P. Bourdieu, A. Giddens, N. Luhmann, P. Shtompka), researchers issues of identity (R. Brubaker, D. Schnapper, B. Anderson, S. Hall) and a number of other theories, the author argues that identities at all diversity of its manifestations and bases are having homologous internal structure, the foundation of which are similar knowledge mechanisms. It is emphasized that knowledge in the constitution of identity can be heterogeneous, irreducible to each other, associated with different types and ways of rationality that does not give grounds to hierarchize continuum of identities. The author concludes that a unifying identities' discourse, often dominant in modern sociology, is irrelevant to its subject matter, because both of the monifying trend of analysis of identity grounds (which is not the same as the analysis of the identification mechanisms), and ambitions to hierarchies in continuum of identities.

Key words: knowledge, sociology of knowledge, social, identity, typology

У статті здійснюється аналіз ідентичності як знанневого конструкту, тобто як процесу і результату синтетичного (макро- і мікро-) вибудовування агентом і структурами соціального знання. Із залученням методології «синтетичних» теоретиків (П. Бурдьє, Е. Гідденс, Н. Луман, П. Штомпка), дослідників проблематики ідентичності (Р. Брубейкер, Д. Шнаппер, Б. Андерсон, С. Холл) і ряду інших теорій автор доводить, що ідентичності при всьому різноманітті

своих проявів і підстав мають гомологічну внутрішню структуру, у фундаменті якої лежать схожі знаннєві механізми. Підкреслюється, що знання, що знаходиться в конституції ідентичності, може бути гетерогенним, незвідним лише до одної з його форм, пов'язаним з різними типами і способами раціональності, що не дозволяє ієрархізувати континуум ідентичностей. Робиться висновок, що уніфікований дискурс ідентичностей, часто панівний в сучасній соціології, є нерелевантним до свого предмету вивчення як в силу уніфікуючої тенденції аналізу підстав ідентичності (що не тотожне аналізу механізмів ідентифікації), так і в силу амбіцій до ієрархізації.

Ключові слова: знання, соціологія знання, соціальне, ідентичність, типологія.

Современная социология неоднократно признавалась в актуальности проблематики идентичности как устами маститых классиков, так и малоизвестных неопитов. Сам мир (пост?)глобализации постоянно (ре)актуализирует этот вопрос, а многократно оспоренная, но от этого не менее социально значимая борьба идеологий, исторических памятей, знаково-символических систем, (не)традиционностей, интересов и ценностей, практик и стратегий зримо «размывает» само понятие идентичности. Более того, предметом символической, политической и научной борьбы становится статус «быть идентичностью», ибо, как обнаруживается, дискурсивная и символическая деконструируемость любой идентичности делает слишком явным соблазн делегитимации чужой идентичности (идентичности Чужого?) через отрицание самого её идентичностного статуса. Идентичность в политической и символической борьбе демонстративно редуцируется (в основном, безусловно, дискурсивными средствами) до интересов (чаще всего и более всего презираемых – материальных), образа и способа жизни (которому даже в статусе «стиля жизни» отказывается в силу стереотипного восприятия стилевости как статусно более высокого, чем образа и способа жизни) или инерциальных привычек и хабитата (которым, в свою очередь, отказывается в (само)ценности и социальной значимости).

Таким образом, термин «политики идентичности» реконституируется как «политики (вокруг и по поводу) идентичности», а идентичность, перестав, как мы уже и доказали в наших предыдущих статьях данного цикла (см. [1]), бытийствовать и (что ещё более важно) (вос)производиться как субстанциональная и социально фактичная, трансформируется в своём онтологическом статусе. Это не значит, что мы тем самым оспариваем значимость и релевантность (в первую очередь, своей исторической и социокультурной ситуации) наработок классиков в области изучения идентичности (о чём мы более детально пишем там же). Это значит, что процессы последней четверти XX века спровоцировали эрозию феномена идентичности в том виде, в

каком он был известен социальным философам, социальным психологам и социологам XIX – первой половины XX веков. В силу этого мы утверждаем, что в структуре идентичности всё большую роль играют знаниевые конструкты.

Определив социальное знание (точнее, его конструкты) как диспозитивы интернализованной социальной реальности, являющиеся актуальными и релевантными в определённой (социальной) ситуации [2], мы тем самым а) указали на соконституентность знания объективному миру, прерывая социологическую традицию гегемонии теоремы Томаса¹; б) релятивизировали знание через его ситуативность и актуальную релевантность, тем самым деобъективировав и деабсолютировав само суждение о (социальном) знании; в) эпистемологически расщепили онтологически видимое как цельное и систематичное знание субъекта (о себе, о социальном мире, о других, об истории, знаках, символах, практиках, хабитате и т.п.) на диспозитивы, иначе говоря, социальные конструкты, социологически интерпретируемые как наборы разнородных когнитивных феноменов (стереотипы, представления, ценности и оценки, привычки, традиции, предпочтения и преференции, выборы и т.п.).

Всё это позволяет нам методологически представить идентичность как знаниевый конструкт (не рядоположенный, но сосуществующий с иными знаниевыми конструктами), то есть как процесс и результат синтетического (макро- и микро-) выстраивания агентом и структурами социального знания. Такая интерпретация идентичности вовсе не дискурсивизирует, как могло бы показаться, и не когнитифицирует идентичность, ибо знаниевые конструкты в нашем определении (см. выше) не отрицают ни эмоциональных, ни когнитивных, ни даже схемно-деятельностных фрагментов. Все существующие операционализации и схематизации идентичностей (самой распространённой из которых является триада «когнитив-

¹ Что, сразу скажем, не объективировав нашу концепцию как сугубо объективирующую социальное: наоборот, мы всячески подчёркиваем, в том числе и приведенным базовым определением, что мы парадигмально и методологически предпочитаем синтетическую интенцию в социологии.

ный – аффективный – конативный элементы идентичности»), возьмём на себя смелость заявить, с лёгкостью интегрируются в предложенный нами интерфейс. Однако универсалистская амбиция такого интерфейса² налагает методологические и парадигмальные требования, решению которых и посвящена данная статья.

Таким образом, целью нашей статьи является построение (теоретической) типологии идентичностей на основании инструментария и возможностей, предлагаемых социологией знания, и демонстрация на основании этой типологии, что разнообразие и богатство топологии идентичностей есть разнообразие лишь форм, но не структур и механизмов.

Логика нашего анализа будет разворачиваться в направлении от идентичности в топологии социального через топологию идентичности к её типологиям. Именно таким образом мы предполагаем сформулировать достаточно устойчивую и максимально репрезентативную типологию идентичностей.

Идентичность в топологии социального

Исходим мы из того, что в пределах вечно (ре)конструируемого и «пересобираемого» (апеллируя к латуровским метафорам – см. [4]) социального идентичность не может оставаться ни явлением примордиальным, ни явлением константным. Современные исследователи это хорошо понимают: «Развитие культуры и общества привели к расширению спектра идентификации, то есть к появлению новых видов идентичности и новых видов исследований в этой области» [5, с. 126], причём «личность в индустриальном обществе, в отличие от личности в обществе традиционном, характеризуется большим спектром жизненного выбора. Появление новых каналов вертикальной и горизонтальной мобильности поставило перед индивидом проблему выбора «своих» сообществ» [6, с. 166]. Более того, динамизм и изменчивость мира информационной эпохи приводят к тому, что «аутентичность реальности, само-подобие и само-тождественность ее проявлений (что и соотносится с идентичностью) становятся едва ли ни единственно возможным ориентиром человека» [7].

В таких условиях социальное действительно «пересобирается», причём не только концептуально (на что обращал внимание в первую очередь Б. Латур [4]), но и онтологически. В его функционировании значимым становится не только жёсткая социальная фактичность,

но и «мягкие», знаниевые (или «культурные» в более широкой терминологии) конструкты. Соответственно, реальность производится не структурными ограничениями и объективностями, а культурными феноменами, в частности идентичностями. Именно это аргументирует Стюарт Холл, говоря, что «культура не является чем-то нейтральным и мирным. Она производит и репродуцирует политические и социальные идентичности, которые могут в определённой ситуации конвертироваться в прямой политический конфликт. Как выразился Терри Иглтон, ученик Реймонда Уильямса, «В Боснии или в Белфасте культура – это не только то, что вы вставляете в магнитофон, но ещё и то, за что вы убьёте» [8, с. 18]. Вписывая всю свою теорию в парадигмальный для него «магический треугольник» культура – власть – идентичность (обратим внимание на бесспорно для классиков структурно-институциональную вершину власти, «вписанную» между культурой и идентичностью), С. Холл говорит нам: «Для того, чтобы быть способным что-нибудь сказать, необходимо себя куда-нибудь поместить» [9].

Иначе говоря, любое знание о социальном связано (мы не будем сейчас дискутировать о направлении и свойствах этой связи) со знанием о себе, а любое говорение о себе³ неизбежно отталкивается от понимания своей локации и своего локуса. Вот почему неудовлетворительной в определении идентичности является «распространённая формула определения «идентичность суть самотождественность»» как в силу её тавтологичности, так и в силу того, что она «лишена операциональности – как, скажем, «время суть длительность» или «пространство суть протяжённость» [7, с. 255]. Иначе говоря, идентичность (а следовательно, и любой другой знаниевый конструкт) может быть определена только через соотношение субъекта идентичности (субъекта знания) с Другим. Причём «заглавная буква в только что написанном слове «другой» – вовсе не ошибка: так в западной философии и социологии уже давно обозначают предельно значимый и предельно обобщённый образ любого партнера по взаимодействию, собеседника в любом разговоре, даже мысленном» [10]. Прежде всего это связано с веберовской категорией смысла, которая применима к продуктам совместной деятельности людей, «именно смыслов, а не знаков!», причём смысл понимается как «дискретное психическое состояние, которое способно быть социально транс-

² А именно: знаниевая унификация идентичности предельным случаем своего доказательства предполагает предложение универсальной и полной типологии идентичностей по их знаниевой фундированности.

³ Или о другом, что является синонимом, поскольку, «...культурная идентичность существует постольку, поскольку отделяет себя от других идентичностей» [8, с. 19].

лировано в кодах» [11, с. 148]. Одним из таких смыслов может быть наличие Другого⁴; может быть устойчивая повседневная практика, и именно на это указывал Э. Гидденс, говоря, что «социальная идентичность проявляется на уровне ситуативных социальных практик, где устойчивость социальной позиции достигается расположением агентов относительно трёх основных аспектов темпоральности, на которых строится теория структуриации: 1) позиционирование индивидов как структуриация взаимодействия; 2) позиционирование в каждодневных пространственно-временных траекториях; 3) позиционирование относительно пространственно-временных траекторий обыденной жизни в рамках жизненного пути» [6, с. 168]; может быть – категорическая и категориальная оценка мира как достойного или недостойного доверия, участия, принятия, согласия⁵. Сама множественность таких возможностей смыслов закладывает потенциальную множественность идентичностей и возможности их типологизации. Однако же не представляется возможным существование идентичностей, за которыми бы не стояли смыслы и вырастающие из них знамиевые конструкты и практики.

Безусловно, можно, инструментализуя понятие культуры, учесть предложения холловского последователя Томпсона и понимать её не как «whole way of life», а как «whole way of struggle», «не «целостный образ жизни», а «всеобъемлющая борьба», как объясняет один из интерпретаторов [8, с. 44]. В этом случае к эссенциалистски-«естественному» пониманию культуры (и продуцируемых ею идентичностей) добавляется конструктивистски-«артефактное» понимание культуры и идентичностей (а следовательно, как мы указывали выше, и знамиевых конструктов в широком смысле слова) и новые горизонты исследований, как, например, в случае с Э. Балибаром и И. Валлерстайном [12], которые доказали, что

⁴ Причём уточнение Б.В. Дубина: «Важно, во-первых, что «другой» здесь - явно не из круга «своих». Это не родственник и не свойственник, не соплеменник и даже не соотечественник» [10], - значимо здесь лишь как шаг в концептуализации Значимого Второго и переход к значимому третьему (детальней мы это анализировали в одной из вышеуказанных публикаций); на самом деле само существование Другого, если мы откажемся от разнообразных политических и философских коннотаций, конституирует возможность идентичности в частности, и социального в целом.

⁵ И здесь очередной раз замечание Б.В. Дубина, что важнейшей вещью является «презумпция невраждебности другого и невраждебности к другому - психологи называют её «базовым доверием к миру» - является, скорее, реверансом общеметодологическим и идеолого-мировоззренческим позициям либерального порядка, чем принципиальной научной констатацией [10].

для сохранения и формирования идентичности необязательно существование равноценного или рядоположенного объекта, то есть поддержание идентичности больших групп людей оказывается возможным за счёт противопоставления этой группе более мелких, находящихся по соседству групп. Иначе говоря, референт Другого вовсе необязательно масштабируется как референт идентифицирующегося, что ещё более диверсифицирует континуум идентичностей. «Идентичностям прошлого» вполне могут противостоять не «идентичности прошлого» или «идентичности настоящего» (и вообще не хроноориентированные идентичности), а, например, «идентичности геополитики» или «идентичности экономической практики». Такое соотношение идентичностей ставит под вопрос саму возможность исчерпывающей и окончательной их типологии (что несложно показать) и, следовательно, релятивизирует вопрос типологии до вопроса исторически и социокультурно релевантной типологии⁶. В этом смысле дальнейший анализ топологии идентичностей должен быть редуцирован до поиска основных осей измерения идентичностей и описания контекстуальных идентичностям топологий.

Именно поэтому мы принимаем в дальнейшем анализе предположение Бирмингемской школы культурных исследований, что культура связана «с непосредственно переживаемым индивидами смысловым горизонтом этой жизни, а также живыми «эмоциональными структурами» [8, с. 45]. В такой методологии анализ идентичности a-la Luhmann⁷, в системной теории которого рассматривается «самореферентная идентичность, абстрагированная от какой бы то ни было включённости в социальные связи и социальные позиции, является не только методологически ошибочным, но и теоретически невозможным, а из интерпретаций идентичности выпадают, во-первых, те, в которых ключевая роль отводится субъективному началу⁸, а также те трактовки, «в которых идентичность предстает как нечто эссенциальное, объективно сущее, онтологичное (в которых имеет место реификация и эссенциализация идентичности)» [7, с. 254]. Таким образом, остаются лишь те

⁶ Иначе говоря, заставляет признать вопрос типологии идентичностей исторически относительным и даже теоретически невозможным быть решённым в абсолютных величинах.

⁷ Согласно Луману, индивид идентифицирует сам себя через соотношение с собственной индивидуальностью» [6, с. 170].

⁸ То есть идентичность соотносится с ментально-психическими процессами самоотождествления индивида (Я, Эго) с некими образцами (типами, схемами, формами, эталонами, нормами) социального и культурного бытия.

интерпретации, которые в идентичности видят / полагают «нечто предикативное (когнитивно-гносеологическое), а именно: признаки, свойства, отношения и связи, точнее – их целостности, выражающие тождественность, аутентичность, самотождественность объекта или вещи любой природы» [там же] – иначе говоря, идентичность как «знаниевый конструкт (категорию гносеологии), то есть форму знания и предикации о сущностях (вещественных, ментально-психических, знаково-символических, объектных и процессных), с которыми это понятие соотносится» [7, с. 255].

Таким образом, идентичность в топологии знаниевого ландшафта занимает особое место «точки осознания» и «места отражения». Особенно явным это становится при использовании избранной бирмингемцами стратегии анализа культуры, то есть интерпретируя культурную борьбу как борьбу за политику. Для Стюарта Холла культура – это «нечто вроде всеобъемлющих идей, точек зрения, языков, практик, институтов и структур власти, а также и целый ряд культурных практик: художественных форм, текстов, канонов, архитектурных принципов, товаров массового потребления и пр.» [9]. По выражению Стюарта Холла, культура означает «подлинную, обоснованную территорию практик, репрезентаций, языков и обычаев какого-либо конкретного исторического общества», так же как «противоречивые формы «здравого смысла», укоренившиеся в жизни народа и способствовавшие ее формированию» [там же]. Всё это конституирует сложный ландшафт знания, где идентичность становится и устанавливается (конституируется и инсталлируется) социокультурно и исторически специфичным, но при этом структурно, функционально и системно гомологичным образом. Эта гомология поддерживается как универсальными принципами (вос)производства идентичностей (выше концептуализированными как смыслы), так и стандартизированными механизмами их (пере)установления. Именно поэтому можно говорить если не об универсальной, то типичной топологии идентичности, что и позволит в дальнейшем перейти к типологии⁹.

Топология идентичности

Таким образом, эссенциалистски-самодетерминированное определение идентичности как результата самоопределения¹⁰ мы при-

⁹ Ибо если не существует типичной топологии идентичности, то типология принципиально неверифицируема ни как полная, ни как исчерпывающая, ни как критерияльно корректная.

¹⁰ Определения, укажем, не только методологически субъективистски-номиналистского, но и мировоззренчески вульгарно либертаризированно-

знаём не только недостаточным, но и – именно в категориях социологии знания – методологически ошибочным. Более того, даже с коррекцией в сторону признания реальности внешних идентитетов такое определение (предложенное, например, в [13, с. 85]) не может быть признанным как достаточное. Так, определяя идентичность как «свойство личности, позволяющее ей отождествлять себя с рядом внешних социальных факторов, на которых строится целостная картина самопредставления индивида о себе», мы тем самым «двигатель» идентичности лоцируем в субъективистски-номиналистском измерении реальности, субстрат её – в объективистски-реалистическом, а их взаимодействие становится в такой модели вульгарно-линейным. Безусловно, более эвристически мощным и методологически корректным будет признание двух аспектов идентичности (что предлагается, в том числе, бирмингемской школой культурных исследований) – «ориентированного на социальное окружение и на уникальность проявлений человека» [14, с. 101], что, собственно, предлагали Х. Тэджфел, Дж. Тернер, Г. Брейкуэлл и др. Эта теория коррелируется с холловской теорией артикуляции, которая «предполагает одновременно артикулирование и комбинирование, говорение и сочленение» [9] и которая основывается на принципе диалога, заимствованном у Михаила Бахтина. Это диалогическое, неопределенное и недетерминированное¹¹, а следовательно – принципиально разнообразное и вероятностное, рисковое и неоднозначное пространство в культуре Стюарт Холл считал основой своей теории и одновременно локализацией позиции индивида [там же]. Все эти характеристики определяются тем, что, по Холлу, культура управляется смыслом, значением, которое придается ей совокупностью общественных обстоятельств и контекстом. Субъекту необходимо «заставить» окружающий мир что-то означать, и значение играет роль социального производства, практики. Таким образом, практика «переводится» на язык символизации, а категориальный ряд теории социального действия – на «терминологический язык» социологии.

Именно поэтому вовсе не «субъективирую-

го, что коррелирует с аргументацией модели Ното Есопотисис, разбирать которую в данной статье мы не считаем необходимым.

¹¹ И здесь особенно интересным в дальнейшем будет исследование идентичности в категориях риска и контингентности, предлагаемых Никласом Луманом. В частности, открывается любопытная перспектива анализа связи процессов распознавания окружающего мира субъектов сквозь призму системной теории и предлагаемый ею парадокс двойной контингентности.

щая рефлексия» как «важнейший индикатор генезиса человеческой самости» [11, с. 147] видится нами как знаниевый конститутивный фундамент идентичности¹², а самопонимание, основанное на практическом¹³ ощущении единства и включённости субъекта и Другого¹⁴. Любая идентичность, построенная на таком ландшафте, независимо от избранного каркаса – целерационального, традиционного, рутинно-практического, аффективного, символического, историко-хронотопного – будет идентичностью, из которой логично вырастает этика, нормы права, способность выдерживать и признавать Другого, «sense de jeu¹⁵» (по П. Бурдьё [15]) практического разума, способность к взятию обязательств, уважительное принятие его волеизъявления и устойчивость в ориентациях.

Подчеркнём ещё раз, «леви-брюллевская «партиципация» есть «не только как стремление ощутить себя частью некоей большой социальной общности, но и вообще как всякое ситуативное снятие субъектно-объектных отношений, достигаемых в акте экзистенциального природнения» [11, с. 150], достигается не только на основании чисто традиционного каркаса эссенциально-«жесткой» идентичности (о которой, например, как об этнической пишет Д. Шнаппер [16]), но и на основании «идентичностей интересов», «идентичностей знаков», «идентичностей события», «идентичностей символической системы», «идентичностей языка» и т.п. Здесь мы соглашаемся с рядом исследователей, что «идентичность относима практически к любой сущности (природной, социоприродной, духовной, ментальной) в качестве меры ее аутентичности, самоотжественности или тождественности образцу» [7, с. 255], и особо указываем, что таковым образцом (тем, что мы выше обозначили как способ возведения каркаса на определённом ландшафте) может быть любой знаниевый конструкт.

Иначе говоря, идентичность представляет собой не *сущностно*, а *структурно* специфичный феномен (и тут мы не одиноки в этом утверждении): «...идентичность, как и любая теория, обобщает и синтезирует в целостность некие типы ментальности и социальности, формы культуры, поведенческие схемы и ценностные установки и т.д. В то же время идентичность, как свойственно любой универсальной дефиниции, находит смысловое наполнение и обоснование в конкретизированном

контексте... И, наконец, идентичность, как и объектная картина мира, выступает в качестве предпосылочного знания» [7, с. 256].

Важнейшим вопросом соотносённости смыслов (в основании) идентичности с реальностью являются (социальные) общности, с которыми возможна идентификация. Кроме того, что это важный вопрос картографирования идентичностей (и, следовательно, изучения их топологии), (проблематичное) существование этих общностей является также одной из предпосылок категоризации и типологизации идентичностей. При этом отметим, что типология общностей может далеко не совпадать (и даже не быть гомологичной) типологии идентичностей; вполне вероятны множественности идентичностей для типологически (но не сущностно) совпадающих общностей. Это связано с тем, что, не выводя социальные общности (группы, страты, классы, нации и т.д.) из идентичности, мы тем самым хотя бы и чисто аналитически, но делаем их «невидимыми» для регистрации «аппаратурой» социологии знания¹⁶.

Поэтому для наших дальнейших целей вполне достаточной является трихотомия, предложенная И. Барышниковой, согласно которой тремя основными типами социальных общностей являются: 1. Первичные – заданные ещё до рождения индивида его положением в пространстве и времени социального сообщества (например, нация); 2. Актуальные вторичные – сообщества, ограниченные непосредственным общением индивида в течение его жизненного пути; 3. Конструированные вторичные – образования, которые субъективно конструируются индивидом или объективно существуют, но к которым индивид не имеет непосредственного отношения [6, с. 170]. Даже не демонстрируя контекстуальности этой трихотомии концепциям Ч.Х. Кули, Дж.Г. Мида и других исследователей, мы заметим, что в ней удачно сочетаются андерсеновско-шнапперовская дихотомия конструирования и примордиальности и социально-психологическая дихотомия первичных и вторичных групп. Безусловно, для полноты данной классификации стоит ввести «конструированные первичные» группы, однако для подавляющего большинства возможных целей исследования в данной сфере данное различие (хотя бы в силу теоремы Томаса) является предельно непринципиальным и даже неинструментализуемым. Поэтому мы соглашаемся с автором в невыделении этого типа групп. Усиленная же классификацией механизмов соотношения (позитивный механизм, негативный

¹² И, в некотором смысле, «точка отсчёта» знаниевой конституции социального.

¹³ А следовательно (см. выше) знаниевое и символическое.

¹⁴ Причём на основании понимания и учёта неотъемлемых различий и различий между всеми и каждым.

¹⁵ Чувство игры (фр.)

¹⁶ Которая, например, радикально возражала бы против онтологизации общностей даже при признании конструируемого или – более того – инструментализуемого характера многих из них; мы же исходим из максимы реальности общностей.

механизм, идеальный механизм) с социальной общностью, вышеприведенная трихотомия становится важным штрихом в эскизе топологии идентичности как феномена.

В этом свете становится очевидным, что предложение М. Вевьёрки рассматривать культурные идентичности через противопоставление процессов воспроизводства и производства, благодаря чему противопоставляются идентичности (пост)модерного общества (как базированного на идентичностях изобретений и идентичностях производства) и домодерного (как основанного на идентичностях традиций и воспроизводства) [17] является ложным и чисто спекулятивным. Во-первых, потому, что в любой идентичности неизбежно будет как «момент изобретения» (независимо от реальной хронологической длительности и наличия или отсутствия конкретизированного субъекта изобретения), так и «механизмы воспроизводства», и обе эти диалектические противоположности будут всегда оставаться важными элементами топологии любой идентичности.

Типология идентичностей

Конструирование типологии идентичностей является давней задачей социологии, однако чаще всего она ставилась и решалась в частных случаях и в конкретных приложениях. Так, А. Ватерман предложил дифференцировать идентичности в зависимости от сфер жизни, наиболее значимых для их формирования: «1) выбор профессии и профессионального пути; 2) принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений; 3) выработка политических взглядов; 4) принятие выбора социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства» [14, с. 103]. Данная «генетическая» классификация могла бы быть важной для нашего дальнейшего исследования, если бы А. Ватерман а) доказал исчерпанность хотя бы важнейших из названных и проанализированных им сфер жизни; б) доказал гомогенность вырабатываемых внутри этих сфер идентичностей по любому признаку. Ещё более сомнительной именно под углом зрения этих двух вопросов является структурно-функциональная типология, в которой выделяются полоролевая идентичность; профессиональная идентичность; социальная идентичность¹⁷; культурная идентичность¹⁸; этническая идентичность.

Более общую картину пытается предлагать

¹⁷ Которая «...имеет когнитивные аспекты - знание (знание о группе, её нормах, правилах, символических ритуалах), и аффективные - отражающие эмоциональный компонент членства в группе» [14, с. 103].

¹⁸ Которая есть «...осознанное принятие человеком соответствующих культурных норм и образов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимание своего Я с позиции культурных характеристик...» [14, с. 103].

известный российский этносоциолог Л. Дробижева, которая (правда, под немалым влиянием собственного объекта исследования) предлагает третичную оппозицию примордиализма, конструктивизма и инструментализма, интерпретируя последний как крайнее проявление конструктивизма, благодаря чему многие её оппоненты редуцируют эту трихотомию к базовой дихотомии. Однако такая типология при логической её труднопроверяемости не является ни содержательной, ни социологической (скорее, формально-структурной).

Метафоризация швейцарским социологом П. Серио процессов построения коллективной идентичности с выделением французской и немецкой моделей [14, с. 104] и противопоставлением, соответственно, активности государства через образование и армию, единый государственный язык и город, с одной стороны, – культурно-языковой общности, предшествующей национально-государственному единству, с другой, – является лишь частным случаем анализа процессов конструирования национальной идентичности (вариант – этнической). И хотя, безусловно, «этническая идентичность — один из основополагающих видов идентичности субъекта. Это обусловлено тем, что этническая идентичность означает взаимосвязь субъекта со своими кровными узлами, «корнями» [5, с. 123], однако же логику конструирования этих идентичностей вряд ли можно распространять на конструирование, легитимацию и институционализацию других типов идентичностей.

Различные типологии идентичности оттачивались от разных критериев и оснований типологизации. Так, представители символического интеракционизма «не просто расчленяют понятие идентичности на составные части, но выделяют различные виды идентичности (социальная, личная, я-идентичность) в самостоятельные категории» [6, с. 166], где социальная есть типизация личности на основе атрибутов социальной группы, к которой он принадлежит; личная - личностные свойства и индивидуальные признаки человека; я-идентичность - субъективное ощущение индивидом своей жизненной ситуации и своего своеобразия. Такая типология, условно категоризируемая как функциональная, тем не менее отличается двумя недостатками: во-первых, отсутствием единого основания (вследствие чего провести различие между выделенными идентичностями не так-то просто, как это кажется теоретикам), во-вторых же, высокой степенью общности выделенных типов идентичности. Кроме того, социологизируемые являются не все три типа выделенных идентичностей, а изложимыми на языке (и тем более операционализируемыми инструментарием

ем) социологии знания – тем более.

Любопытную функционально-генетическую модификацию предлагает Дж. Марсиа, выделяющий достигнутую, преждевременную и диффузную идентичности на основании «средств, с помощью которых человек идентифицирует, оценивает и отбирает ценности, цели и убеждения, которые впоследствии станут элементами его идентичности» [14, с. 102]. В ходе генезиса идентичности (как и генезиса статуса) субъект идентичности может существовать как объект и как актор по отношению к ней, что позволяет типологизировать идентичности в зависимости от центрированности процесса конституирования, а также от их хронологической локализованности в биографии индивида. Однако в целом это сугубо микроаналитический подход к процессу формирования идентичности «изнутри», что существенно ограничивает возможности типологии «извне» и макроструктурно.

Таковые попытки если и делались, то либо *ad hoc*, например, на основании конкретной идентичности (этнической) с выделением вариаций (в случае с этнической – расово-биологическая (родовые нормы), климато-географическая (историческая территория); социокультурная (история своего народа, этнические символы культуры и религии и т.д.) [14, с. 102]; либо описательно-историографически. Так, в зависимости от социокультурных условий на разных исторических этапах существования человека некоторые исследователи предлагают «типы идентичности, сформированные и доминирующие в ту или иную историческую эпоху» [5, с. 123], среди которых есть этнические, религиозные (для которых «характерна иерархичность. Любая религия состоит из различных направлений, течений, сект, церквей» [5, с. 124]), лингвистические, социокультурные, национальные, мыслительные (или трансцендентальные) идентичности¹⁹ [там же].

Систематическая типология идентичностей зачастую рассматривается социологами как задача высокотеоретическая и поставленная, скорее, в рамках социальной философии, чем социологии. В социальной же философии попытки её решать, действительно, наблюдаются, например, под углом «спектра объектного мира, с которым идентичность соотносится». В этой оптике анализа авторы обна-

руживают такие виды идентичности, как «социальная (политическая, этническая, культурная, религиозная, сетевая, клубная, корпоративно-групповая); социоприродная (геополитическая, цивилизационная, гендерная, возрастная); природная (идентичность рода, вида, экосистемы, минерала, генома); ментальная (логико-математические конструкции, мода, парадигмы науки и художественного творчества, бренд, стилевое течение)» [7, с. 257]. При всей социально-философской глубине этой типологии (а она, безусловно, масштабней, чем большинство чисто социологических конструкций), мы обнаруживаем её неоднозначность (к примеру, современные геополитические идентичности привязываются намного чаще не к реалиям геополитики и политико-экономической географии, а к трансцендентально-идеальным построениям, структурно омографичным идентичностям с референтными группами). Именно поэтому в дальнейшем мы исходим из того, что типологизация идентичностей (даже понятых как результат диалектических двойных процессов констр- / конституирования) в рамках современных требований социологии знания не может быть осуществлена монистически: осей должно быть несколько, а их применение может ограничиваться только инструментальными целями исследователями.

Таковыми осями²⁰ мы видим:

- *номинализм – реализм*. Эта проблема описана исследователями (см. выше) как соотношение инструментальности, конструируемости и примордиальности. При этом даже в наиболее примордиальных идентичностях фундаментом являются знаниево-смысловые фрагменты (понять это помогает феноменологическое понятие интериоризации), однако же соотношение с материальным миром, практиками, историей и биографией у идентичностей, приближающихся к полярным позициям в данной оси, безусловно, различны;

- *практическое – знаково-символическое*. Как на уровне количественных, так и на уровне качественных исследований социологи фиксируют повышение значимости знаково-символических аспектов в современных идентичностях (что, отметим, не равно превращению их в трансцендентальные или ментальные идентичности). Как показывают, например, исследования украинского студенчества, в структуре гражданской идентичности зна-

¹⁹ Причём об этих последних автор отзывается как о «господствующих в новейшее время» [12, с. 124], хотя вполне к месту был бы вопрос, какие же социальные идентичности не являются мыслительными (трансцендентальными)? Не об этом ли говорил поздний Э. Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни»?

²⁰ Подчеркнём, что эти оси не являются дихотомично-дискретными. Их континуальность допускает релятивизацию и сосуществование (в разных, безусловно, пропорциях) полярных признаков одной оси в одной идентичности. Что не отменяет, например, задачи определения преобладающей доли признака.

ково-символический аспект превалирует над практическим [18]. Это, в частности, означает, что локация идентичности в той или иной точке выделенного нами континуума далеко не всегда является устойчивой и что идентичности, эволюционируя, могут менять свою природу по одному или нескольким из выделенных нами признаков;

- *(де)хронотопизированность*. Идентичности, физико-топологически и хронологически «привязанные» к точке или области пространства, сущностно отличаются от дехронотопизированных идентичностей, причём не только с точки зрения «политик идентичностей» и «менеджмента идентичностей», но и с точки зрения их структурно-функционального измерения.

- *телесность – абстрагированность*. Вопреки ряду приведенных выше позиций, мы выдвигаем и готовы обосновать гипотезу существования идентичностей, абстрагированных от телесности их носителя (и вот здесь как раз нам кажется релевантным применение концепта трансцендентальных идентичностей). Безусловно, подавляющее большинство идентичностей – и особенно идентичностей практических, нерелексированных и «естественных» – телесно укоренены²¹, но телесная (не)укоренённость идентичности вовсе не всегда означает (не)габитуализированность и практическую (не)освоенность, однако это не даёт оснований игнорировать этот пусть и не слишком статистически объёмный, но социально значимый корпус идентичностей;

- *рефлексируемость – самоочевидность*. «Рефлексируемость» здесь вовсе не обязательно тождественна «рационализированности», она всего лишь означает подверженность идентичности гиденсовскому процессу рефлексивного мониторинга действительности. Опять-таки, даже при превалировании самоочевидных, недискутируемых (а потому и остро реагирующих на нарушения табу на дискуссии) идентичностей нельзя отрицать как их разную самоочевидность и недискутируемость, так и наличия идентичностей рефлексируемых, политически или социально дискутируемых, дискурсивно обосновываемых и обосновывающих своё существование (что, конечно, отдаляет их от бурдьевицкого «практического смысла», однако не лишает их шанса на рутинизацию);

- *включённость в структуры – внеструктурное существование*. Под структурами здесь можно понимать институты, статусно-ролевые

системы, социальные системы в лумановском смысле, однако суть предлагаемой оси от этого не меняется: идентичности способны как «отстраиваться» от структур, так и «отстраняться» от них. Здесь мы имеем в виду как генезис идентичностей (способных генерироваться структурами), так и их онтологию (идентичности могут поддерживаться, использоваться, модифицироваться структурами);

- *соотнесение с объективным миром* (и здесь мы выделяем такие виды, как чисто социальная, социально-физи(ологи)ческая, физи(ологи)ческая, трансцендентально-идеальная);

- *ценностнорациональность – целерациональность*. Отметим сразу, что из веберовски дефинированных оснований социального (в том числе и действия) мы не вычленим отдельно аффективное (поскольку аффект неизбежно сопровождает любую идентичность и её функционирование) и традиционное²², тогда как – и это становится всё более очевидным в ходе современных конфликтов идентичностей – ценностнорациональное и целерациональные основания идентичностей, действительно, являются (как минимум, в доминирующем модусе) дифференцирующими для всей совокупности идентичностей. Это, в частности, означает, что действительная толерантность, как бы ни интерпретировать это понятие, предполагает не только допущение существования другого и его идентичности, но и допущение возможности существования принципиально другой аксиоматической системы, по которой строится чужая идентичность. Иначе говоря, мало признавать возможное количественное различие идентичности Моей и Чужого – признание должно быть качественным, что может вырастать только лишь из признания правомерности существования самого фундамента этой идентичности. Осмеивание же самого фундамента чужой идентичности²³, непонимание не только принципиально иного знаниевого фундамента её, но и принципиально иных правил оперирования в знаниевом каркасе идентичности, приводит к обесмысливанию и профанации самой идеи толерантности, ибо превращает её в демонстративную ложь (толерантность к форме ничего не

²² Поскольку, вопреки гипотезе Вевьёрки, идентичность не просто фундируется на традициях, но существует с целью устанавливать традиции и, таким образом, упорядочивать социальное пространство вокруг индивида.

²³ Не говоря уж про отрицание или демонстрацию вроде «Я вот такой толерантный и могу позволить, чтобы портрет моего кумира, Майкла Джексона или Рональда Рейгана, Хаяо Миядзаки или Франсуа Олланда, ретушировали / коллажировали / что угодно ещё, а вот они такие нетолерантные, не позволяют сделать того же с портретами своих пророков или святых!»

²¹ Хотя и тут предлагаемая нами ось является эвристически полезной, поскольку позволяет поставить вопрос об операционализации и измерении степени «отелеснивания» (категория «инкорпорирования» нам здесь не кажется подходящей) идентичности.

стоит без толерантности к содержанию, а толерантность к *своему представлению о Другом* ещё не означает толерантности к *собственно Другому*).

Мы не берёмся на данный момент утверждать, что в результате построения многомерного пространства идентичностей для каждого из выделенных нами ячеек-сегментов этого пространства найдутся коннотаты²⁴, однако же очевидно, что такая многомерная типология, отказываясь от амбиции монифицировать идентичности и внешне упрощая вопрос их типологии, на самом деле открывает перспективы как менделеевского²⁵, так и бруновско-коперниканского²⁶ порядка в данной проблематике.

Эмпирическим доказательством (смысловой – и, следовательно, – знаниевой) разнородности идентичностей является их «избирательная» сочленяемость. Так, по результатам исследо-

идентичности А и D будут плохо «уживаться» и «сосуществовать» (эмпирически это будет означать низкую представленность их сочетания в выборке), если они положительно коррелируют с идентичностями В и С, которые, в свою очередь, обладают близкими типами, но разным содержанием (смыслов и знаниевых конструкторов) внутри этих типов²⁷.

Отдельным важным вопросом является соотнесение идентичностей разных типов (безусловно, чистыми типами реальные идентичности не являются, однако нести в себе преобладающие черты того или иного типа они обязаны) с выделенными нами в [3] типами социального. Напомним, что по трём осям мы предложили дифференцировать социальное на разные типы, охарактеризовав их по таким признакам, как эксклюзивность-инклюзивность, интимность-публичность, латент-

Таблица 1

Дифференциация социального

	Реальное (непосредственное) взаимодействие			Виртуальное (опосредованное технически) взаимодействие		
	Мега	Макро	Микро	Мега	Макро	Микро
Gemeinschaft	Глобальная община	Гражданская община	Органическая солидарность	Глобальная социальная сеть	Гражданский форум	Органическая непосредственность
Gesellschaft	Глобальное общество	Гражданское общество	Механическая солидарность	Глобальная биржа	«Гражданская гостевая книга»	Механическая непосредственность

ваний студенческих идентичностей мы наблюдаем, что идентичности «советского человека» вытесняют(ся) идентичност(я)ми «европейца» или «глобального человека» (все три могут быть отнесены нами к близким типам конструируемых знаково-символических хронотопно укоренённых ценностно нагруженных слабо структурно связанных и малотелесных идентичностей). Более того, эту мысль можно продолжить и указать, что с высокой степенью вероятности

²⁴ Иначе говоря, любой комбинации любых признаков всех этих осей будет отвечать как минимум одна идентичность.

²⁵ Например, построение универсального многомерного пространства идентичностей позволяет аналитически изучать – в порядке мысленных экспериментов или в порядке социально-инженерных конструкторов – возможные комбинации признаков по данным осям и возможные свойства располагающихся в тех или иных сегментах построенного пространства идентичностей.

²⁶ Релятивизируя идентичность как таковую, мы релятивизируем и идентичность конкретную, показывая отсутствие монопольного права на описание социального и социальное описание у обладателей любой из идентичностей, независимо от их связанности с легитимными дискурсами и практиками.

ность-декларативность (см. таблицу 1, сокращённую по сравнению с [3]).

Совершенно аналитически естественным будет допущение, что в том или ином типе социального будет доминировать (или будут доминировать) конкретный (-ые) тип(ы) идентичностей, однако изучение как собственно этой связанности, так и природы её связи (как эмпирической, так и генетической) является предметом совершенно другого исследования.

Таким образом, идентичности при всём многообразии своих проявлений и оснований имеют гомологичную внутреннюю структуру, в фундаменте которой лежат схожие знаниевые механизмы, которые не сводятся ни к объективной субстанциональности субстрата идентичности (что бы ни было идентитетом – знак или вещь, историческое событие или социокультурная общность, экономическая деятельность или политическая идеология), ни к номиналистским субъектным актам знаниевого конституирования

²⁷ Мы целенаправленно не приводим конкретных примеров в нынешней гиперполитизированной обстановке, хотя таковые находятся зачастую прямо перед нашими глазами.

ния себя-как-себя. При этом знание, находящееся как в фундаменте, так и в каркасе идентичности, может быть гетерогенным, несводимым друг к другу или к единому знаниевому основанию идентичности; оно может быть связанным с разными типами и способами рациональности, что не даёт оснований ни исследователям, ни политикам иерархизировать континуум идентичностей. «Идентичность ценности» не является более «высокой» или более «низкой», чем «идентичность интереса», а «идентичность исторического хронотопа» онтологически равноценна «идентичности геополитического выбора».

Но при этом унифицирующий дискурс идентичностей, зачастую господствующий

в современной социологии, остаётся нерелевантным своему предмету изучения как в силу монистифицирующей тенденции анализа оснований идентичности (что не тождественно анализу механизмов идентификации), так и в силу иерархизирующих амбиций. Предложенное выше онтологическое уравнивание не предполагает унификации идентичностей, точно так же, как эта унификация не является отрицанием гомологичности их внутренней структуры. Именно поэтому мы оставляем нашу типологию открытой, предполагая, что актуальное нам общество не исчерпало потенциального богатства всех проявлений идентичностей.

Література

- Голиков А. С. Медиаконструирование идентичностей: знаниевые структуры под воздействием медиа / А. С. Голиков // Media i Społeczność. – 2015. – У друці; Голиков А. С. Идентичности (без?) знаниевых оснований: беседа с Роджерсом Брубейкером / А. С. Голиков // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2015. – У друці; Голиков А. С. Идентичность в структуре знания о социальном: эвристические возможности и методологические ограничения / А.С. Голиков // Молодий вчений. – 2015. – №2.
- Голиков А. С. Системность социального знания как феномен и факторы его крушения / Олександр Голиков // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : збірник наукових праць. – Випуск 17. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2011. – с. 27 – 34.
- Голиков О. С. Актуалізація соціального в умовах суспільства, що глобалізується: виклики кризової соціальності й теоретичні виклики соціології / Олександр Голиков // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Випуск 19. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2013. – с. 77 – 83.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Бруно Латур. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 382 с.
- Кузнецова Е. В. Идентичность субъекта : типология видов / Е. Кузнецова // Омский научный вестник. – 2012. – № 4 (111). – С. 123 – 126.
- Барышникова И. В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе / И. В. Барышникова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2009. – Серия 7, Философия. – № 2 (10). – с. 166 – 171.
- Тхагапсоев Х. Г. К неудобствам с идентичностью / Х. Г. Тхагапсоев, Э. Р. Гатиатуллина // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Выпуск 11. – с. 253 – 259.
- Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований / В. Куренной // Логос. – 2012. – № 1 (85). – с. 14 – 79.
- Азизов З. Стюарт Холл и локализация культуры [Электронный ресурс] / З. Азизов // Московский журнал Moscow Art Magazine. – № 77/78. – Режим доступа : <http://xz.gif.ru/numbers/77-78/azizov-hall/>
- Дубин Б. Я и Другой [Электронный ресурс] / Б. В. Дубин // «Индекс/Досье на цензуру». – 2005. – №22. – Режим доступа : <http://index.org.ru/journal/22/dubin22.html>.
- Пелипенко А. А. Идентичность: смыслогенетические основания / А. А. Пелипенко // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том 4. – с. 147 – 170.
- Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М. : Логос-Альтера, Ессе Homo. 2003. – 272 с.
- Кириченко И. А. Гиперидентичность как концепт: теоретические основания / И. Кириченко // Проблемы развития сознания в культуре и образовании сборник научных статей. – Барнаул, 2014. – С. 83 – 87.
- Акулич М. А. Прологомены к социологии идентичности: истоки, проблемы, типология / М. Акулич, Н. Галлактионова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – Философия. Социология. Культурология. – Выпуск 19. – № 31 (212). – с. 101 – 105.
- Бурдьё П. Практический смысл / Пьер Бурдьё ; пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001. – 562 с.
- Шнаппер Д. Спільнота громадян. Про модерну концепцію нації / Д. Шнаппер пер. з французької Р. В. Мардера / Домінік Шнаппер. – Х. : Фоліо, 2007. – 223 с.
- Вевьерка М. Формирование различий / М. Вевьерка // Социологические исследования. – 2005. – N 8. – С. 13 – 24.
- Українське студентство у пошуках ідентичності: монографія / за ред. В. Л. Арбеніної, Л. Г. Сокурянської. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 520 с.

²⁸ Причём это господство усугубляется политическими коннотациями дискурсивной дискредитации практик Другого через категоризацию их фундамента

как «неидентичностного», «несущностного» и «несущественного» для социальной жизни (что резко противоречит любой идее толерантности и терпимости).